ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Ибероамериканские тетради. 2023. 4. С. 36–61
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61

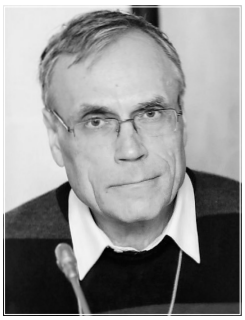
Статья поступила 10.11.2023.
После доработки 11.12.2023.
Принята к публикации 16.12.2023.

УДК 94:327+316.7

О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения

© Шемякин Я.Г., 2023

Яков Георгиевич Шемякин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.
115035, Москва, улица Большая Ордынка, 21/16
ORCID: 0000-0003-2382-0864 E-mail: shemyakinx3@gmail.com



Аннотация. Согласно концепции автора статьи, формы организации языкового космоса Латинской Америки, Пиренейской Европы и России обусловлены сущностными характеристиками «пограничного» цивилизационного типа: способом построения диалогической ткани социальности, основанным на «включающем» дискурсе и обусловленной им доминанте многообразия (при парадоксальном сохранении единства sui generis, соответствующего этой доминанте). Автор выделяет две формы организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: языковое варьирование и языковой союз. Констатируя, что обе они являются (каждая из них по-своему) выражением общецивилизационной доминанты многообразия (и, соответственно, «включающего» дискурса), автор пришёл к выводу, что эти формы не только не исключают, но, напротив, взаимно обусловливают друг друга.

Опираясь на изначальное понимание этого термина Н.С. Трубецким, автор выделяет ряд признаков, характеризующих языковой союз как особый социокультурный феномен, и доказывает, основываясь на многочисленных примерах и результатах исследований коллег, что все эти признаки (как и взаимообусловленность языкового варьирования и процесса формирования языкового союза) обнаруживаются и в Латинской Америке, и в России, и в Пиренейской Европе.

Ключевые слова: «пограничная» цивилизация, «классическая» цивилизация, «включающий» дискурс, «исключающий» дискурс, доминанта многообразия, языковое варьирование, языковой союз

Для цитирования: Шемякин Я.Г. (2023) О формах организации лингвистической реальности цивилизационного «пограничья»: Латинская Америка, Иберийская Европа и Россия в контексте сравнения. *Ибероамериканские тетради.* № 4. С. 36–61. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

ARTÍCULO DE INVESTIGACIÓN

Cuadernos Iberoamericanos. 2023. 4. P. 36–61
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61

UDC 94:327+316.7

Recibido 10.11.2023.
Revisado 11.12.2023.
Aceptado 16.12.2023.

Sobre las formas de organización de la realidad lingüística de la «zona fronteriza» civilizatoria: América Latina, Europa Ibérica y Rusia en el contexto de la comparación

© Shemyakin Ya.G., 2023

Yakov G. Shemyakin, Doctor en Ciencias Históricas, Investigador Jefe del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia.
115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16
ORCID: 0000-0003-2382-0864 E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Resumen. Según el concepto del autor del artículo, las formas de organización del cosmos lingüístico de América Latina, la Europa Ibérica y Rusia están determinadas por las características esenciales del tipo civilizacional «limítrofe»: la forma de construir el tejido dialógico de la socialidad, basado en el discurso «inclusivo» y la diversidad dominante determinada por él (con la paradójica preservación de la unidad sui generis de este dominante correspondiente). El autor identifica dos formas de organización de la realidad lingüística de las «zonas fronterizas» civilizatorias: la variación lingüística y la unión lingüística. Al afirmar que ambos son (cada uno a su manera) una expresión del dominio civilizacional general de la diversidad (y, en consecuencia, del discurso «inclusivo»), Ya.G. Shemyakin llega a la conclusión de que estas formas no se excluyen, sino que, por el contrario, se determinan mutuamente.
Basado en la comprensión original de este término por N.S. Trubetskói, el autor identifica una serie de características que son tipicas para una unión lingüística como fenómeno sociocultural especial y demuestra, basándose en numerosos ejemplos y resultados de investigaciones de colegas, que todos estos signos (así como la interdependencia de la variación lingüística y el proceso de formación de una unión lingüística) se encuentran tanto en América Latina como en Rusia y en la Europa Ibérica.

Palabras clave: civilización «fronteriza», civilización «clásica», discurso «inclusivo», discurso «exclusivo», diversidad dominante, variación lingüística, unión lingüística

Para citar: Shemyakin Ya.G. (2023) Sobre las formas de organización de la realidad lingüística de la «zona fronteriza» civilizatoria: América Latina, Europa Ibérica y Rusia en el contexto de la comparación, *Cuadernos Iberoamericanos,* no. 4, pp. 36–61. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

RESEARCH ARTICLE

Iberoamerican Papers. 2023. 4. P. 36–61
DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61

Received 10.11.2023.
Revised 11.12.2023.
Accepted 16.12.2023.

UDC 94:327+316.7

On the Forms of Organization of the Linguistic Reality of the Civilizational «Borderlands»: Latin America, Iberian Europe and Russia Compared

© Shemyakin Ya.G., 2023

Yakov G. Shemyakin, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences.
115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka street, 21/16
ORCID: 0000-0003-2382-0864 E-mail: shemyakinx3@gmail.com

Abstract. According to the concept of the author of the article, the forms of organization of the linguistic cosmos of Latin America, Iberian Europe and Russia are determined by the essential characteristics of the «borderline» civilizational type: the way of constructing the dialogic fabric of sociality, based on «inclusive» discourse and the dominant diversity determined by it (with the paradoxical preservation of the unity sui generis that corresponds to this dominant). The author identifies two forms of organization of the linguistic reality of the civilizational «borderlands»: linguistic variation and linguistic union. Stating that both of them are (each of them in its own way) an expression of the general civilizational dominant of diversity (and, accordingly, «inclusive» discourse), Ya.G. Shemyakin came to the conclusion that these forms not only do not exclude, but, on the contrary, mutually determine each other.
Based on the original understanding of this term by N.S. Trubetzkoy, the author identifies a number of features that characterize a language union as a special sociocultural phenomenon, and proves, based on numerous examples and the results of the colleagues' research, that all these signs (as well as the interdependence of language variation and the process of forming a language union) are found in Latin America, in Russia, and in Iberian Europe.

Keywords: «border» civilization, «classical» civilization, «inclusive» discourse, «exclusive» discourse, dominant diversity, linguistic variation, linguistic union

For citation: Shemyakin Ya.G. (2023) On the Forms of Organization of the Linguistic Reality of the Civilizational «Borderlands»: Latin America, Iberian Europe and Russia Compared, *Iberoamerican Papers,* no. 4, pp. 36–61. DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-4-36-61

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Лингвистическая реальность Латинской Америки, Иберийской Европы и России определяется спецификой «пограничного» цивилизационного типа, к которому все они принадлежат [Шемякин, 2017: 295–302; Шемякин, 2001]. Его определяющие характеристики: способ формирования диалогической основы социальности, который детерминирован особенностями решения проблемы «Другого», то есть иного участника диалогического общения. Это решение основывается на логике включения «Другого» в собственное жизненное пространство (причём вне зависимости от характера отношения к нему) на «включающем» дискурсе, принципиально отличном от «исключающего» дискурса субэкумен [О критерии различения цивилизационных типов на основе противопоставления «включающего» и «исключающего» дискурсов см.: Шемякин, 2021: 167–179; Шемякин, 2023: 41–67].

М.М. Бахтин. 1895–1975

В данной работе я счёл возможным использовать результаты своих прежних исследований [См. прежде всего: Шемякин, 2019: 114–128] и непосредственно на них опирался, рассмотрев их, однако, в новом ракурсе через призму «диалогики» М.М. Бахтина.

В ходе и в результате сравнительного цивилизационного исследования языковых реалий Латинской Америки, Иберийской Европы и России автор этих строк пришёл к выводу, что в социокультурном «пограничье» наличествуют две формы организации лингвистической сферы, обусловленные включающим дискурсом и, соответственно, доминантой многообразия в цивилизационной системе: языковое варьирование и языковой союз.

Языковое варьирование в мире испанского языка

Концепция языкового варьирования была сформулирована Г.В. Степановым на основе обобщения латиноамериканских материалов. Анализируя характер трансформации, которая произошла с испанским языком в Новом Свете в результате столкновения испанцев с совершенно новой, непривычной для жителей Европы природной и человеческой реальностью, выдающийся отечественный учёный отмечал: «Квалификация американской разновидности как “диалекта” испанского языка неточно отражает соотношение двух вариантов единого испанского языка» [Степанов, 1963: 9]. По словам Степанова, «национальная (общенародная) языковая норма собственно Испании не является в настоящее время единственной нормой для всех стран, говорящих на испанском языке. У американской разновидности испанского языка за четыре с лишним столетия сложилась своя история: в странах Латинской Америки возникла своя языковая традиция, своя языковая политика, своё эстетическое понимание норм общенародной речи... Испаноамериканская разновидность испанского языка, в силу целого ряда

Ф. де Соссюр. 1857–1913

обстоятельств культурного, исторического, политического, геоэтнографического порядка, сама превратилась в особую норму (исторически — в норму второго порядка), которая находит своё отражение в устной речи образованных латиноамериканцев и в литературе латиноамериканских стран» [Степанов, 1963: 8]. При этом основы структуры испанского языка оставались одинаковыми по обе стороны Атлантики, обеспечивая его системное единство.

Однако бытие языкового космоса не сводится к его системной ипостаси. Ф. де Соссюр[1] различал две качественно различные формы бытования языковой реальности. Одну (в которой язык предстаёт именно как система) он обозначил термином langue, другую (в ней язык выступает как процесс человеческой деятельности) он определил как parole (речь). «Язык, по Соссюру, — воплощение единства культурной системы, он однороден и целостен, речь же как нечто разнородное и сугубо индивидуальное есть воплощение многообразия» [Шемякин, 2019: 115]. Мысль о том, что язык и речь следует рассматривать как принципиально различные объекты, получила широкое признание в научной среде. Однако их жёсткое противопоставление, непосредственно обусловленное свойственным Соссюру противопоставлением социального и индивидуального, и абсолютизация такого противопоставления вызвали резкую критическую реакцию и стремление его преодолеть. По-видимому, неслучайно, что, пожалуй, наиболее чётко сформулировал свою позицию по данному вопросу представитель российского цивилизационного «пограничья», один из ведущих лингвистов мира Н.С. Трубецкой, согласно которому «...речь и язык предполагают друг друга. Они неразрывно связаны друг с другом и могут рассматриваться как взаимосвязанные стороны одного и того же явления — речевой деятельности. По своему существу, однако, это совершенно различные вещи, поэтому они должны рассматриваться независимо друг от друга» [Трубецкой, 1960: 7].

Непосредственным исходным пунктом и первичной теоретической основой, на которой базировалась разработанная на ибероамериканском материале концепция языкового варьирования Г.В. Степанова, была теория Э. Косериу, согласно которой наряду с дуальной оппозицией «язык — речь» важнейшей составляющей языкового космоса является норма, понимаемая

[1] Фердинанд де Соссюр (Ferdinand de Saussure, 1857–1913) — выдающийся швейцарский лингвист. Заложил основы семиологии и структурной лингвистики. Фундаментальный труд «Курс общей лингвистики» («Cours de linguistique générale», 1916), написанный по материалам университетских лекций Соссюра, лёг в основу структурализма. — *Прим. ред.*

как конкретная интерпретация общих принципов системы того или иного языка представителями той или иной общности, принадлежащей к ареалу данного языка [Косериу, 1963: 172].

Введение понятия нормы позволило отразить многообразие лингвистической реальности. Одно из самых ярких подтверждений этой мысли — фундаментальные труды Г.В. Степанова. Приведённый в его книгах [Степанов, 1963; Степанов, 1979] огромный материал позволяет сделать вывод о том, что языковое варьирование нужно рассматривать как главный способ реализации принципа доминанты многообразия в испаноговорящем мире. Следует уточнить, что уровни варьирования отличаются по своей глубине: на наиболее глубоком формируются собственные языковые нормы, появление которых означает возникновение относительно автономных подсистем в рамках единой системы языка. На менее глубоких уровнях появляются региональные диалекты и местные говоры [Степанов, 1963: 13–14].

Ключевая роль языка-процесса (речи) в цивилизационном «пограничье»

Если абсолютизация противопоставления языка и речи у Соссюра неправомерна, то их различение как принципиально отличных проявлений одной и той же лингвистической реальности имеет важнейшее значение и подводит к проблеме специфики их соотношения в различных цивилизационных типах. В результате своих исследований мы пришли к выводу, что именно речь, т.е. язык-процесс, играет ключевую роль в цивилизационном «пограничье», в том числе иберoамериканском.

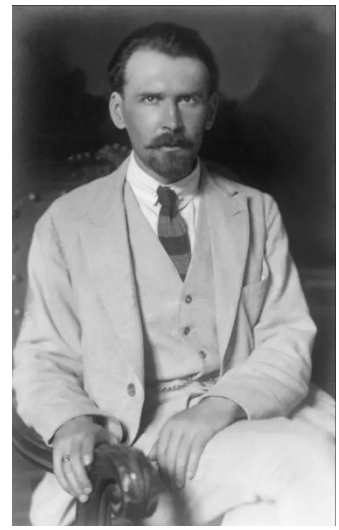
«Именно речь выступает здесь в качестве движущего фактора процесса языкового варьирования и одновременно той среды, в которой данный процесс осуществляется» [Шемякин, 2019: 116]. Одним из самых убедительных подтверждений этой мысли является тот доказанный в трудах как Г.В. Степанова, так и других коллег-лингвистов факт, что наиболее значимые различия между «пиренейским» и «латиноамериканским» вариантами испанского языка проявляются именно в сфере речи, где идёт постоянный интенсивный процесс «иначения» классических образцов, которые определяются испанским академическим стандартом.

Для Латинской Америки особенно важно то, что именно речь является полем интенсивного непосредственного взаимодействия качественно различных традиций, в ходе которого в процессе речевого общения создаются наиболее благоприятные условия для преодоления барьеров непонимания. Именно в сфере речи возможна та гибкость в способе выражения мысли, которая обеспечивает повышенный уровень оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера и тем самым повышенный уровень проницаемости внутренних границ в культуре, которые в Латинской Америке проходят не только между индивидами — носителями тех или иных традиций, но и в душах людей. Наличие этих качеств означает, в свою очередь, ключевую роль личностного уровня развёртывания

цивилизационного процесса, на котором язык проявляет себя в первую очередь не в своей системной ипостаси, а именно как речевая деятельность. Наиболее благоприятные условия для осуществления процесса языкового варьирования создаются в том «пространстве свободы» в рамках индивидуального измерения цивилизационного процесса, которое, как нам неоднократно приходилось отмечать [Шемякин, 2001: 168–173; Шемякин, 2014: 28–30; Шемякин, Шемякина, 2009b: 94–95], есть в любом человеке наряду с наличествующим (также в каждом индивиде) надличностным пластом общепринятых ценностей и норм поведения, которые определяются на официальном уровне. Свобода, которая проявляется в собственной, свойственной данной конкретной личности интерпретации этих норм и ценностей или в их отрицании (в эпохи кризисов). В результате проведения масштабного сравнительного цивилизационного исследования мы пришли к выводу о том, что охарактеризованное «пространство свободы» является исходным (и в этом смысле ключевым) фактором обеспечения целостности «пограничной» цивилизационной системы [Шемякин, Шемякина, 2009a; Шемякин, Шемякина, 2009b; Шемякин, 2018b: 388–395].

Проблематика «языкового союза» в странах испанского языка

Понятие «языковой союз» было впервые сформулировано Н.С. Трубецким[2] в его работе «Вавилонская башня и смешение языков» (1923). Лингвист выдвинул идею о том, что наряду с классификацией языков по генетическим признакам «географически соседящие друг с другом языки часто группируются независимо от своего происхождения. Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием… Такие “языковые союзы” существуют не только между отдельными языками, но и между языковыми семействами, т.е. случается, что несколько семейств, генетически друг с другом не родственных, но распространённых в одной географической и культурно-исторической зоне, целым рядом общих черт объединяются в “союз языковых семейств”» [Трубецкой, 1995a: 333]. Международный съезд языковедов



Н.С. Трубецкой. 1890–1938

[2] Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) — русский лингвист, философ, публицист, этнограф и историк. Один из крупнейших теоретиков структурализма. Заложил основы морфонологии. — *Прим. ред.*

в Гааге в 1928 г. принял предложение Трубецкого о необходимости четко различать понятия «языковые союзы» и «языковые семейства». Тема «языковых союзов» рассматривалась в работах ряда исследователей. Наиболее подробно изучен Балканский языковой союз [Цивьян, 1979; Цивьян, 1990; Нерознак, 2007]. Разные ученые вкладывали различное содержание в понятие языкового союза [Нерознак, 1985: 617–618]. Не останавливаясь на анализе этих различий, здесь необходимо определить собственную позицию.

Моё понимание «языкового союза» наиболее близко изначальному пониманию самого Трубецкого, который, как совершенно справедливо отметила Т.В. Цивьян [Цивьян, 1990: 104], рассматривал данный концепт в общетеоретическом плане и включал его в комплекс смежных дисциплин, выходящих за пределы лингвистики [Цивьян, 1990: 104–105], ставил задачу его анализа в контексте сравнительного изучения различных «этнологических личностей» (т.е. народов), «национального самопознания», исследование которого должно вестись «сразу несколькими науками: географией, антропологией, археологией, этнографией, статистикой, историей, историей искусства и т.д.» [Трубецкой, 1995b: 198]. Если рассматривать проблематику языковых союзов именно в таком, максимально широком историко-культурологическом контексте, то, обобщая наблюдения и выводы коллег, можно выделить следующие отличительные признаки этого типа оформления «пограничного» языкового космоса.

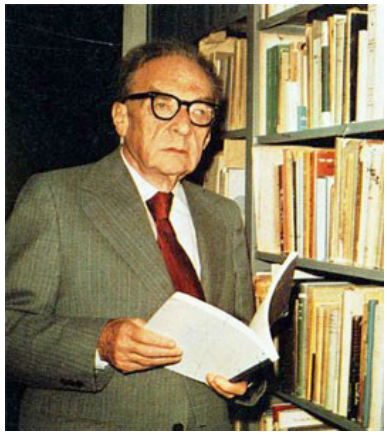
1. Общий для представителей данной культурно-исторической общности характер отношения к языку, которое является, как правило, пристрастным, «горячим». Подобная «особая напряженность слова» (К. Кавафис) прямо обусловлена тем, что тема языка неизменно оказывается в центре (и в основе) всей проблематики самоидентификации носителей тех или иных традиций. Вопрос «кто мы?» всегда стоял и продолжает стоять в повестке дня всего цивилизационного «пограничья», неизменно приобретая особую остроту в условиях постоянного столкновения и взаимодействия качественно разнородных начал.

2. Общее понимание характера соотношения языка с другими сферами реальности, утверждение его ключевой роли в культурной системе в целом.

3. Общая оценка особой значимости межъязыкового взаимодействия, неизменно высокая интенсивность такого взаимодействия, чрезвычайно большая «сила общения» взаимодействующих в рамках союза языков (Ф. де Соссюр).

4. Отражение в языке таких общих цивилизационных характеристик «пограничья», как амбивалентность, «взаимоупор» сторон острейших противоречий, формирование такого соотношения общего и индивидуального, при котором «общее <…> не только не подавляет индивидуальное, но и существует благодаря ему, им поддерживается и подчёркивается» [Цивьян, 1990: 58], преобладание пространства над временем в рамках простран-

ственно-временного континуума культуры, сочетание качественно различных типов межкультурного контакта [Шемякин, 2001: 218–221; Кофман, 1997: 25–107; Цивьян, 1990: 67–68, 93–95, 99, 150].



Р.О. Якобсон. 1896–1982

В связи с последним из перечисленных пунктов хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Очевидно, сам термин «языковый союз» достаточно условен: он отражает реальность сложного комплекса взаимоотношений сосуществующих на протяжении длительного срока языков, неотъемлемыми чертами которой являются тесная, устойчивая взаимосвязь, высокая степень интенсивности взаимодействия и, как следствие, отчётливые следы взаимного влияния и появление ряда сущностных общих черт. Говоря словами Р.О. Якобсона[3], «там, где есть общность оценки слова, единство культуры языка, естественно предположить и наличие совпадений в языковой структуре непосредственно» [Якобсон, 1931: 8]. Так, «согласно Трубецкому, языковый союз — это группа языков, обнаруживающих существенное сходство в синтаксисе, морфологии, иногда — внешнее сходство в фонетике и обладающих общим фондом культурных слов, но не связанных системой звуковых соответствий и изначальной элементарной лексикой»[4] [Нерознак, 2002: 617]. Сохранение в рамках этих «условно союзнических» отношений неповторимой индивидуальности каждого из языков не означает, однако, отсутствия конфликтов между ними. Лучше всего характер их взаимоотношений изучен на балканском материале. Так, по словам Т.В. Цивьян, «в жизни балканца периодически возникали угрозы подавления и потери родного языка, которые шли с разных сторон и реализовывались в разных планах, это могли быть языки, пришедшие извне, т.е. дальние, но и языки ближайших соседей, т.е. ближние» [Цивьян, 1990: 95]. Здесь можно было бы привести немало примеров из жизни и других «пограничных» ареалов: Латинской Америки, Пиренейской Европы, да и России, в том числе современной. По-видимому, общий характер взаимоотношений контактирующих языков определяется триадой основных типов межкультурного взаимодействия: противостояния, симбиоза и синтеза [Шемякин, 2001: 85–97, 125, 176–178, 182–184, 315–326]. Хотя как противостояние (о чём только что было сказано), так и синтез (главным

[3] Якобсон Роман Осипович (1896 –1982) — российский лингвист, педагог и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX в. Родоначальник структурализма в языкознании и литературоведении. — *Прим. ред.*

[4] Нерознак В.П. Языковой союз. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва. Большая российская энциклопедия. 2002. С. 617.

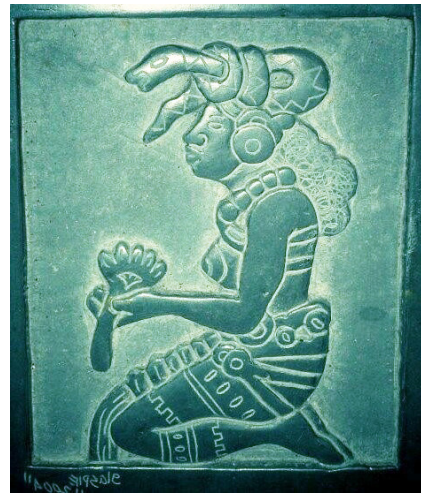
проявлением которого являются, по-видимому, те общие всем участникам «союза» черты, которые выработались в ходе контакта) вполне реальны; определяющую роль здесь необходимым образом должны играть симбиотические формы связи в силу самого их характера: в рамках культурного симбиоза участники контакта объединены уже нерасторжимой системной связью, но при этом каждый остаётся собой, сохраняя собственную идентичность, а нового культурного качества не возникает [Шемякин, 2001: 87–91, 127–130, 176–178, 315–326].

Языковое варьирование как свидетельство формирования языкового союза

Сравнительное цивилизационное исследование привело нас к выводу, что перечисленные выше характеристики «языкового союза» как социокультурного феномена вполне подходят для описания лингвистической реальности как Латинской Америки, так и Пиренейской Европы. В этой связи следует подчеркнуть, что «языковой союз» и «языковое варьирование» не только не противоречат друг другу, но и необходимым образом предполагают друг друга. Одним из главных результатов (и вместе с тем проявлений) процесса языкового варьирования стала дифференциация вступивших во взаимодействие языков. Так, как убедительно показал Г.В. Степанов, языки автохтонных народов стали в ряде значимых в масштабе региона случаев решающими факторами дифференциации испанской речи и способствовали тем самым формированию особых вариантов испанского языка, выработавших собственную норму («норму второго порядка» [Степанов, 1963: 8]). Так, по словам Степанова, «особый характер испанского языка мексиканской зоны в значительной степени можно объяснить влиянием индейского языка “науатль”» [Степанов, 1963: 35]. О том, сколь значительным было это влияние уже в эпоху конкисты, свидетельствует тот факт, что Э. Кортес (Hernán Cortés, 1485–1547) признавал науатль в качестве второго «официального» языка Новой Испании (Мексики) [Кофман, 2017: 209]. Еще один яркий пример — гуарани, наложивший серьёзный отпечаток на ту разновидность испанской речи, которая сложилась в Парагвае, и ставший одним из главных факторов формирования так называемого «общего языка» (língua geral), превратившегося в главное средство межъязыковой коммуникации на юге Южной Америки, причём как в том, что касается взаимодействия индейцев с испанцами и португальцами, так и в том, что касается общения представителей разных индейских общин между собой [Степанов, 1963: 32–33; Сапрыкина, 2016: 37]. Взаимное влияние испанского и индейских языков было наиболее сильным в тех странах, где дальше всего зашёл процесс метисации, как этнорасовой, так и культурной. Самые очевидные примеры — Мексика и Парагвай. Впрочем, языки крупных индейских народов, кечуа и аймара, сыграли определённую роль в дифференциации испанской речи и формировании соответствующих латиноамериканских вариантов испанского язы-

ка даже в странах, которые отличались (в силу знаменитого дуализма Косты и Сьерры) относительной слабостью контактов испанского и автохтонного начал — в Перу и Боливии. Конечно, так было не во всех государствах региона. Например, в Чили, как отмечает Степанов, языки автохтонного населения не стали фактором дифференциации испанской речи.

Разумеется, эту ситуацию необходимо рассмотреть и в ином ракурсе: испанский язык, язык завоевателей, доминировал в языковой реальности Иберoамерики в эпоху иберийского колониального господства. Он, несомненно, оказывал мощное воздействие на взаимодействующие с ним индейские языки: «Следует подчеркнуть, что условия культурного, социального характера, сложившиеся в Америке, больше благоприятствовали влиянию испанского языка на туземные, чем наоборот» [Степанов, 1963: 39]. В подобной ситуации он неизбежно должен был превратиться и действительно превратился в существенный фактор дифференциации речи различных автохтонных народов, который проявлялся, по-видимому, по-разному в зависимости от того или иного типа контакта индейского и иберийского миров. Пожалуй, самым ярким примером здесь могут служить результаты многовекового интенсивного контакта испанского языка с языковым семейством майя. Несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки разрушить культурную идентичность этого индейского народа, языковое семейство майя не только сохранилось, но и укрепилось и увеличилось. Как подчёркивал М. Галич, «в течение столетий древний майяский лингвистический ствол пышно разветвился, и в настоящее время многочисленные ветви этого древа являются живыми языками, на которых говорят миллионы индейцев» [Галич, 1990: 131].



Ицамна — божество майя

Тот факт, что в результате взаимодействия испанского и индейских языков в ряде значимых случаев имела место дифференциация этих языков, свидетельствует о том, что в ходе подобного взаимодействия возникла исторически устойчивая система их взаимосвязи, отличительными характеристиками которой были глубина и интенсивность взаимных контактов. Появление такого рода системы означало, что в тех зонах языкового космоса, где произошла дифференциация, сложилась та форма организации языковой реальности, которая была охарактеризована выше как языковой союз. Пожалуй, самым ярким примером здесь может служить опять же лингвистическая зона майя, где, несмотря на всю сложность их взаимоотношений, включавших в себя в том числе и элементы длившегося на протяжении веков противостояния, сло-

жился языковой союз испанского как с целым языковым семейством майя, так и с отдельными языками, входящими в это семейство [Шемякин, 2019: 124–125]. Особо следует отметить в этой связи существенную роль, которую сыграли католические монахи, отстаивавшие мысль о том, что индейцы вполне могут воспринимать истины христианской религии на собственных языках. Так, известный гватемальский исследователь М.У. Рус подчёркивал: «Несомненно, они намеревались этим облегчить свою работу по введению новой религии... Но, как бы то ни было, благодаря деятельности монашеских орденов, в особенности францисканцев и доминиканцев, у нас сейчас имеются великолепные лингвистические работы. Монахи в определённой мере помогли сохранить около трех десятков языков семьи майя; право индейцев использовать свои родные языки защищали многие священники, даже вопреки королевским распоряжениям, пытавшимся сделать испанский язык единственным средством общения.

Чилам-Балам. Рукописи майя

Монахи научили покоренные народы пользоваться латинским шрифтом, вложив в их руки тем самым, вопреки своему желанию, ещё одно оружие сопротивления. Благодаря письменности обрели плоть те традиции, которые прежде принадлежали к сфере устного народного творчества, и те знания, которые, будучи записанными иероглифами, непонятными для непосвященных, находились в исключительном ведении правящих классов. Так, перейдя из звуков в чернила, возникли книги “Чилам-Балам”, “Песнопения из Цитбальче”, “Ритуал Бакабов”, “Пополь-Вух”, “Мемориал из Сололы или Анналы какчикелей”, “Родословная владык Тотоникапана”, “Титулы Дома Ишкин Нехаиб”, “Рабиналь Ачи” и другие памятники доиспанской и колониальной литературы и истории» [Рус, 1996: 84–85].

«Включающий» дискурс как решающий фактор возникновения языкового варьирования и языкового союза

Возникновение языкового варьирования и языкового союза как форм организации лингвистической реальности, соответствующих общецивилизационной доминанте многообразия, в самом конечном счёте было обусловлено преобладанием в испаноговорящем мире «включающего» дискурса. Именно формирование диалогической основы социальности на базе этого дискурса, предполагающего, как подчёркивалось выше, рассмотрение «Другого» в качестве неотъемлемой составляющей собственного жизненного пространства, не только стало решающим фактором сохранения многих индейских языков (прежде всего наиболее значимых: науатль, майя, гуарани, кечуа, аймара и др.), но и предопределило возможность возрождения языков автохтонных народов в процессе «индейского ренессанса» рубежа XX–XXI вв., что привело к существенному усилению индейских нот в латиноамериканском «концерте барокко» [Ракуц, 2018].

Гипотеза пиренейского языкового союза: доводы «за»

В том, что касается пиренейского варианта цивилизационного «пограничья», — помимо того, что, как уже говорилось, к языковой реальности Иберийской Европы, несомненно, относятся все те признаки языкового союза как социокультурного феномена, которые перечислялись выше, — можно констатировать факт интенсивного многовекового взаимодействия романских языков Иберийской Европы, которое не могло не оставить достаточно значимые следы в этих языках [Зененко, 1982a: 13–17; Зененко, 1982b: 18–25; Косарик, 2009: 72–75]. Разумеется, «испанский “кастильский”, став первым среди равных языков народов, населявших территорию Пиренейского полуострова в Средние века» [Оболенская, 2019], оказывал, по-видимому, более сильное воздействие на своих соседей, чем они на него. В какой мере это обратное воздействие сказалось на классическом castellano — вопрос открытый, здесь трудно сказать что-либо определённое на современном уровне знаний. В то же время следует иметь в виду, что «говорить о каких-то общих стилистических доминантах, отразившихся в испанском языке, бытующем в качестве диалектов или второго языка билингвов во всех областях Испании, можно только с известными допущениями. И обязательно учитывая то, что в каждой такой области стилистические параметры испанского (кастильского) языка будут различаться под влиянием интерференции и смешения с родным языком носителей и, главное, отражать черты присущего только им национального языкового сознания» [Оболенская, 2019]. Иными словами, в, так сказать, «некастильских» регионах Испании, по всей видимости, происходили процессы дифференциации испанской речи. Ещё один важный довод в пользу гипотезы пиренейского «языкового союза» — процессы интенсивной интерференции испанского и баскского языков в ряде регионов, прежде всего в Наварре [Зеликов, 2010: 43–45].

Российские параллели иберoамериканского опыта

Анализ лингвистической реальности российской цивилизации, изучение множества работ отечественных авторов [Живов, 2001; Зализняк и др. 2012; Кравецкий, Плетнева, 2001; Толстой, 2001; Лексин, 2014: 6–32; Лексин, 2012: 3–39; Колесов, 2021], посвящённых этой теме, привели меня к выводу о том, что характерные для цивилизационного «пограничья» формы организации языкового космоса, языковое варьирование и языковой союз присутствуют и в действительности России-Евразии.

Так, после принятия Русью восточного варианта христианства сформировались два варианта русского языка: тот, на котором подавляющее большинство населения общалось в повседневной жизни, и церковнославянский. То, что речь идёт именно о двух вариантах одного и того же языка, а не о разных языках, убедительно показали в своих работах В.М. Живов, Н.И. Толстой, А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева, В.Н. Лексин [Живов, 2001; Толстой, 2001; Кравецкий, Плетнева, 2001; Лексин, 2014: 19–22]. Чётко различались сферы применения этих вариантов одного языка: «...по-церковнославянски не вели бытовых разговоров, а по-русски не молились» [Живов, 2001].

Здесь следует отметить, что как само появление церковнославянского языка, так и возможность его сосуществования в рамках одной системы с «бытовым» вариантом русского языка было обусловлено тем, что в цивилизационном пространстве сначала византийского, а затем российского социокультурного «пограничья» возобладал «включающий» дискурс. Здесь прежде всего нужно назвать утвердившуюся после напряжённой борьбы в византийской церкви (проявившуюся с наибольшей ясностью в кирилло-мефодиевской традиции) и воспринятую русским православием идею о принципиальной возможности усвоения основ христианской веры на языках любых народов. Идею, утвердившуюся вопреки отстаиваемой ортодоксами как в Риме, так и в Константинополе доктрине «триязычия», которая ограничивала возможность христианской проповеди тремя «священными» языками — древнееврейским, греческим и латынью. Видный швейцарский учёный Э. Холенштайн подчеркивал в этой связи, что «перевод “священных текстов” на “народные языки”, получившие вместе с переводами ещё и письменности, означал повышение статуса и самих этих языков, и тех, кто на них говорил. Родившийся в двуязычном (греческо-славянском) городе Салоники Константин Философ (Кѡнстантїнъ Фїлософъ, 826–869), более известный как “апостол славян” под своим монашеским именем Кирилл, обосновывал это повышение статуса “народных языков” ссылками на Библию и философию. Для Константина (и в этом он был, вероятно, первым по времени среди философов) многообразие языков не было неким злом, нуждавшимся в объяснении и оправдании со ссылками на ветхозаветный

сюжет о Вавилонской башне. Напротив, это многообразие было благом: оно освящено новозаветным чудом Пятидесятницы, когда апостолам было дано изъясняться на бесчисленных языках.

Святой Кирилл (Константин Философ). 826–869

С таким отношением ко множественности языков хорошо сочетался и осознанно культивируемый Восточной церковью вкус к интуитивно-познавательным и эстетическим возможностям языка, к мистике слова (Wort-Mystik) и к искусству слова (Wort-Kunst)» [Холенштайн, 1999: 321]. Будучи одним из наиболее значимых проявлений «включающего» дискурса, «вера в самозаконность и достоинство отдельных языков и их носителей, сохранявшаяся в традиции Восточной церкви, имела общественные и политические последствия» [Холенштайн, 1999: 321]. Холенштайн вслед за Р.О. Якобсоном приводит в этой связи пример Стефана Пермского (1340–1396), который, следуя идеалу христианского служения Константина-Кирилла, «миссионерствовал среди народа коми <...> и создал для языка коми <...> оригинальный алфавит на основе кириллицы, но с использованием знаков, которые были в ходу у самих коми» [Холенштайн, 1999: 321]. Подводя итог этой части своего исследования, Холенштайн делает вывод, имеющий, по нашему мнению, принципиальное значение: «Роман Якобсон имел основания утверждать, что начало национального самоопределения в Европе связано не только с распадом Священной Римской империи и с Реформацией, но и с “просветительской” (по его выражению) философией языка в Византии, а также с византийской церковной политикой, умевшей ценить и плюрализм, и культурную самобытность различных народов... Поэтому, в частности, в сфере межэтнических отношений России нет нужды обращаться к чужеземным образцам. Собственная история России даёт прекрасные образцы, которые можно считать одними из лучших во всей европейской истории» [Холенштайн, 1999: 322].

Языковое варьирование в «Санкт-Петербургской» России

Начиная с XVII в. в духовном космосе Московской Руси отчётливо проявляется, а в XVIII в. становится наиболее активной силой во взаимодействии трёх качественно различных пониманий универсального измерения человеческого бытия модернизационная парадигма [О трёх качественно различных парадигмах универсального, взаимодействие которых лежит в основе цивилизационного процесса, см.: Шемякин, 2018а: 18–27]. Именно

в контексте её взаимодействия с архаической и первой осевой (христианско-православной) парадигмами формируется русский литературный язык, который, однако, как показали результаты исторических исследований, отнюдь не стал в «Санкт-Петербургской» России главным средством общения большинства населения (прежде всего крестьян), речь которого очень сильно отличалась от способа вербального общения элиты, сохранив основные особенности повседневной речи допетровской Руси. Эта разновидность русской речи в течение ряда веков находилась в модусе активного взаимодействия с церковнославянским языком, испытывая заметное влияние последнего. Специалисты «пишут о малоизученном феномене реального двуязычия русского дореволюционного общества» [Лексин, 2014: 20].

Основываясь на обобщении очень значительного по объёму фактического материала, А.Г. Кравецкий и А.А. Плетнева делают вывод, что вплоть до 20-х гг. XX в. «сфера употребления возникшего в XVIII в. нового литературного языка была ограниченной. Владение русским литературным языком не выходило за пределы образованной части общества. <...> языком, которому учили крестьянских детей, был церковнославянский». По утверждению этих авторов, церковнославянский был письменным языком основной части населения России. Причём «крестьянин, который умел читать по-славянски, но не читал гражданских книг, мог восприниматься как неграмотный. <...> существенная часть населения страны, в первую очередь крестьяне, могли читать церковнославянские тексты, но не владели русским литературным языком. <...> Однако в господствующей культурной парадигме умение читать по-славянски рассматривалось не как элемент образованности, а как часть “нецивилизованной” “народной” культуры» [Кравецкий, Плетнева, 2001: 25–41].

Как справедливо отмечал В.Н. Лексин, «это сформировало ещё один барьер между массово-народной и узкоэлитарной частями культуры русского народа» [Лексин, 2014: 20]. Этот барьер был одним из главных проявлений того самого раскола русского общества на западную элиту и основную (главным образом крестьянскую) массу народа, которая продолжала жить в соответствии с традициями допетровской Руси. Раскола, о котором неоднократно писали многие русские мыслители XIX–XX вв. от А.С. Хомякова до Н.А. Бердяева и А.С. Ахиезера и который стал одной из главных предпосылок революционного катаклизма 1917 г.

Таковы были наиболее глубокие уровни языкового варьирования в российской цивилизации XVIII – начала XX в. Помимо этого, существовала масса местных диалектов и говоров в различных регионах Российской Империи. Пожалуй, наиболее выразительные примеры — Русский Север, Сибирь и Дальний Восток [Якобсон, 1931: 6–8].

Трансформация лингвистической реальности России-Евразии в советский период

Революция 1917 г. оказалась связана с очень существенной трансформацией лингвистической реальности России. Как убедительно показал В.Н. Лексин, «самая большая лингвистическая новация того времени — стирание граней между разговорной речью и литературным языком. Практически полная ликвидация неграмотности, обязательное школьное образование, огромные тиражи раскупаемых книг и получаемых газет, тотальная радиофикация <...> оставили дореволюционные народные говоры лишь в отдалённых местностях и, как правило, у людей старшего поколения. Послереволюционная Россия заговорила на книжном языке, — зачастую примитивном, непоправимо обеднённом, и предельно унифицированном. <...> В России практически закончился период двуязычия (разговорный и литературный язык), начавшийся с момента появления церковнославянской письменности» [Лексин, 2014: 9]. К настоящему времени языковой космос России-Евразии являет собой картину сосуществования русского литературного языка, который В.Н. Лексин, используя знаменитую метафору М. Хайдеггера, охарактеризовал как наш современный «дом бытия» [Лексин, 2014: 9], и церковнославянского, который ныне «не язык бытового общения (при том, что упрощенных вкраплений его в нашу речь очень много) и не язык нашей современной книжности. Сегодня это язык православного богослужения и древнерусской литературы: новые же тексты <...> опять входят в круг акафистов и житий (в основном новомучеников)» [Лексин, 2014: 19].

К проблеме Евразийского языкового союза

Вопрос о том, сложилась ли в России-Евразии такая форма организации лингвистической сферы, как языковой союз, стал предметом дискуссии.

Первым концепцию Евразийского языкового союза выдвинул Р.О. Якобсон [Якобсон, 1931], однако сформулированные им фонологические признаки, характеризующие этот союз, подверглись критике и не были приняты основной частью лингвистов. Тем не менее, как подчеркивал В.В. Иванов, сделанный Якобсоном «вывод о географической значимости распространения фонологических признаков в соседних языках разных языковых семей остаётся важным достижением» [Иванов, 1999: 411–412].

Первое, что необходимо сказать в этой связи: все те признаки языкового союза как особой социокультурной реальности, которые были нами выделены при работе с латиноамериканскими и испанским материалами и охарактеризованы выше, налицо и в России-Евразии. На наш взгляд, главный довод в пользу вывода о существовании «союзнической» формы взаимоотношений сосуществующих в евразийском пространстве языков — сохранение огромного языкового многообразия на протяжении всей истории российской цивилизации. Как совершенно справедливо подчёркивал

В.Н. Лексин, «только в пространстве русской цивилизации не потерялся и, более того, оформил и укрепил этнонациональную и цивилизационную самобытность “всяк сущий в ней язык”, что именно русским было суждено стать представителями различных народов и этносов в мире наднациональной культуры, в том числе и через блестящие литературные переводы и обработки национального мелоса, и через систему государственной службы, и через систему образования. Пройдя коридорами русской цивилизации, национальные голоса, не теряя своей самобытности, становились слышимыми далеко за пределами ареалов их исконного прорезывания. Все, что происходило на длительно расширявшемся пространстве русского присутствия, стало не аналогом “плавильного котла” США, а жизнью уникальной “цивилизационной конфедерации”, не погубившей ни один подвергнувшийся её влиянию этнос и соединившей их мотивировочно-ценностным потенциалом, воплощенным в политике государственной власти и в менталитете русского народа» [Лексин, 2012: 4]. Эти суждения подтверждаются огромным фактическим материалом фундаментальных исследований [см. в особенности: Алексеев и др., 2004; Ананьич, Барзилов, 2001; Мухамеджанова, 2015: 68–100]. Сохранение практически всех языков нерусских этносов в России-Евразии — самое яркое свидетельство того, что между ними и русским языком сложились «союзнические» отношения, несмотря на все сложности и определённые потери, связанные прежде всего с логикой модернизации (как в «социалистическом», так и в «капиталистическом» вариантах).

Кроме того, русский язык оказался чрезвычайно восприимчив к иноязычным воздействиям, причём не только со стороны европейских языков. «Русский язык, объединяя и распространяя русскую цивилизацию, сам наполнялся уместно заимствованной речью народов, обитавших в пространстве этой цивилизации» [Лексин, 2012: 19]. Причём «круг таких языковых ассимиляций был необычно широк» [Лексин, 2012: 19]. Особенно много заимствований из тюркских языков [Топоров, 1998: 234–235]. «При этом языковое движение было взаимным. В быт нерусских народов вместе со словами русского языка входили его смыслы и понятия, пословицы с их моралите и т.п. Русский народ получил не меньше» [Лексин, 2012: 20]. Всё это свидетельствует как о значительных масштабах взаимного влияния (и, по-видимому, о процессах дифференциации, не достигавших, однако, уровня формирования отдельных языковых норм), так и о том, что взаимоотношения языков складывались в соответствии с логикой «языкового союза». Нельзя не вспомнить в этой связи деятельность православных миссионеров-энтузиастов, способствовавших сохранению и развитию языков нерусских этносов, создававших для них словари, учебники родной речи [Лексин, 2012: 19] — всё это вызывает прямые ассоциации с охарактеризованной выше деятельностью католических монахов по сохранению и развитию индейских языков.

Почти три века насчитывает традиция школьного обучения на нерусских (национальных, этнических) языках. По данным на 2010 г., в России насчитывалось 239 языков и диалектов, «из которых в школах изучали около 90, а на 40 велось полное обучение...» [Лексин, 2012: 20].

Согласно Конституции Российской Федерации (п. 3, ст. 68), «Российская Федерация гарантирует всем её народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития», а Федеральный закон от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации» рассматривает эти языки «как национальное достояние нашего государства», «способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия» [Цит. по: Лексин, 2014: 26–27]. И наконец, самое существенное относительно современной ситуации: хотя, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, русский язык является государственным на всей её территории и обязательным для использования в ключевых сферах, в первую очередь в деятельности федеральных и региональных органов власти, он не единственный имеет статус государственного: «таковыми в современной России являются и языки, принимаемые в качестве государственных во всех субъектах Российской Федерации, являющихся государствами, т.е. республиками» [Лексин, 2014: 25]. По данным, полученным на основании анализа регионального законодательства, к началу 2012 г. государственных и официальных языков в России насчитывалось более сорока [Лексин, 2014: 28–29].

Не могу не отметить, что здесь возникают прямые ассоциации с идеологией и практикой проекта «Сума каманья» в Боливии в эпоху правления Эво Моралеса (Evo Morales, 2006–2019), в рамках которого наряду с испанским получили статус официальных языки 36 населяющих страну индейских народов, которые были признаны «нациями» [Костогрызов, 2019: 30–40].

Не имея возможности в рамках статьи проиллюстрировать данный тезис, отмечу лишь, что в этом плане современная Россия продолжает придерживаться основной линии советского периода, когда право на сохранение и развитие собственных языков нерусских народов безусловно признавалось и законодательно закреплялось.

Как мы подчёркивали ранее, термин «языковой союз» условен, наличие такой формы организации языкового космоса отнюдь не отменяет возможности противоречий, которые могут обостриться, доходя до уровня открытого столкновения и попыток поглощения одних языков другими. Таких противоречий было более чем достаточно и в Российской Империи, и в СССР, их более чем достаточно и в постсоветский период. Можно вспомнить в связи с этим и проблему «своеобразной конкуренции государственных языков России, субъектов Российской Федерации и родных языков как таковых» [Лексин, 2014: 26], и фактическое вытеснение русского языка из системы образования и официального обращения в постсоветских государствах, возникших на обломках СССР. Пожалуй, самый печальный и трагический пример — попытка покончить с русским языком на Украине в последние

годы. Следует, однако, подчеркнуть, что этот факт не отменяет ни многовековую историю взаимодействия и взаимовлияния русского и украинского языков, ни их глубинного родства. Несомненно, союзнический характер (несмотря на все имевшие место противоречия, связанные как с попытками русификации в Российской Империи, так и с националистическими «изломами» на различных этапах истории) носили и носят взаимоотношения языков трёх главных восточнославянских народов: русского, украинского и белорусского. Точно так же, как все перечисленные выше отрицательные явления не отменяют факта накопления ценнейшего опыта взаимодействия множества народов, этносов и языков в духовном пространстве российской цивилизации на протяжении всей её истории. Как и в Латинской Америке, и в Иберийской Европе «включающий» дискурс утвердился, развивался и развивается здесь через преодоление контртенденции, воплощённой в его антагонисте, «исключающем» дискурсе. Глубокий кризис, который испытала российская цивилизация в связи с распадом СССР, привёл, бесспорно, к усилению разрушительной логики «исключения». Но при всей сложности нынешней исторической ситуации, по-моему, нет никаких серьёзных оснований говорить о том, что логика эта возобладала, хотя этого очень хотелось бы тем, кто не приемлет самого факта существования России-Евразии как цивилизации планетарного масштаба.

Список литературы / References

Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. (2004) *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века,* Москва, Наука, 600 с.

Alekseev V.V., Alekseeva E.V., Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V. (2004) *Aziatskaja Rossija v geopoliticheskoj i civilizacionnoj dinamike XVI–XX veka* [Asian Russia in the geopolitical and civilizational dynamics of the 16th–20th centuries], Moscow, Nauka, 600 p. (In Russian)

Ананьич Б.В., Барзилов С.И. (ред.) (2001) *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности,* Москва, Московский общественный научный фонд, 512 с.

Ananyich B.V., Barzilov S.I. (ed.) (2001) *Prostranstvo vlasti: istoricheskij opyt Rossii i vyzovy sovremennosti* [Space of power: Russia's historical experience and challenges of our time], Moscow, Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 512 p. (In Russian)

Галич М. (1990) *История доколумбовых цивилизаций,* Москва, Мысль, 408 с.

Galich M. (1990) I*storija dokolumbovyh civilizacij* [History of pre-Columbian civilizations], Moscow, Mysl', 408 p. (In Russian)

Живов В.М. (2001) Исторический очерк о церковнославянском языке, *Церковнославянский язык,* под ред. А.Г. Кравецкого, А.А. Плетневой, Москва, Древо добра, с. 9–20.

Zhivov V.M. (2001) Istoricheskij ocherk o cerkovnoslavjanskom jazyke [Historical essay on the Church Slavonic language] in A.G. Kraveckij, A.A. Pletneva (eds.) *Cerkovnoslavjanskij jazyk* [Church Slavonic language], Moscow, Drevo dobra, pp. 9–20. (In Russian)

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (2012) *Константы и переменные русской языковой картины мира,* Москва, Языки славянских культур, 692 с.

Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoj jazykovoj kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language worldview], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 692 p. (In Russian)

Зеликов М.В. (2010) Баскские истоки иберо-романской редупликации, *Вопросы иберо-романского языкознания,* Москва, Изд-во Моск. ун-та, Вып. 8, с. 43–45.

Zelikov M.V. (2010) Baskskie istoki ibero-romanskoj reduplikacii [Basque origins of Ibero-Roman reduplication], *Voprosy ibero-romanskogo jazykoznanija,* Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, Vyp. 8, pp. 43–45. (In Russian)

Зененко Г.П. (1982a) Галисийский и португальский языки сегодня, *Вопросы иберороманской филологии,* Москва, Изд-во Моск. ун-та, с. 13–17.

Zenenko G.P. (1982a) Galisijskij i portugal'skij jazyki segodnja [Galician and Portuguese languages today], *Voprosy ibero-romanskoj filologii,* Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 13–17. (In Russian)

Зененко Г.П. (1982b) К вопросу о выражении прямого и косвенного объектов одушевленных существительных в романских языках Пиренейского полуострова, *Вопросы иберороманской филологии,* Москва, Изд-во Моск. ун-та, с. 18–25.

Zenenko G.P. (1982b) K voprosu o vyrazhenii prjamogo i kosvennogo ob#ektov odushevlennyh sushhestvitel'nyh v romanskih jazykah Pirenejskogo poluostrova [On the issue of expressing direct and indirect objects of animate nouns in the Romance languages of the Iberian Peninsula], *Voprosy iberoromanskoj filologii,* Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 18–25. (In Russian)

Иванов В.В. (1999) Звук и значение в концепции Якобсона, *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования,* Москва, РГГУ, с. 405–423.

Ivanov V.V. (1999) Zvuk i znachenie v koncepcii Jakobsona [Sound and meaning in the concept of Jacobson], *Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovanija* [Roman Yakobson: Texts, documents, research], Moscow, RGGU, pp. 405–423. (In Russian)

Колесов В.В. (2021) *Концептуальное поле русского сознания,* Санкт-Петербург, Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 612 с.

Kolesov V.V. (2021) *Konceptual'noe pole russkogo soznanija* [Conceptual field of Russian consciousness], Saint Petersburg, RGGU, 612 p. (In Russian)

Косарик М.А. (2009) Специфика португальского языка — консервативный характер или взаимосвязь архаических и инновационных процессов? *Вопросы иберороманского языкознания,* Москва, Изд-во Моск. ун-та, Вып. 9, с. 74–80.

Kosarik M.A. (2009) Specifika portugal'skogo jazyka — konservativnyj harakter ili vzaimosvjaz' arhaicheskih i innovacionnyh processov? [Specificity of the Portuguese language: conservative character or interrelation of archaic and innovative processes?], *Voprosy ibero-romanskogo jazykoznanija,* Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, Vyp. 9, pp. 74–80. (In Russian)

Косериу Э. (1963) Синхрония, диахрония и история, *Новое в лингвистике,* Москва, Вып. III, с. 123–343.

Coşeriu E. (1963) Sinhronija, diahronija i istorija [Synchrony, diachrony and history], *Novoe v lingvistike,* Moscow, Vyp. III, pp. 123–343. (In Russian)

Костогрызов П.И. (2019) Идеология Сума каманья в политике ценностей левоиндихенистского режима Э. Моралеса, *Вестник Пермского университета, История,* Выпуск 4 (47), с. 30–40. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-30-40

Kostogryzov P.I. (2019) Ideologija Suma kaman'ja v politike cennostej levoindihenistskogo rezhima Je. Moralesa [Ideology of Suma Kamanya in the politics of values of the left-wing Indian regime of E. Morales], *Vestnik Permskogo universiteta, Istorija,* Vypusk 4 (47), pp. 30–40. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-4-30-40 (In Russian)

Кофман А.Ф. (1997) *Латиноамериканский художественный образ мира,* Москва, Наследие, 320 с.

Kofman A.F. (1997) *Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira* [Latin American artistic image of the world], Moscow, Nasledie, 320 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2017) *Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров,* Санкт-Петербург Издательство «Крига», 1032 с.

Kofman A.F. (2017) *Pod pokrovitel'stvom Sant'jago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenityh konkistadorov* [Under the auspices of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of famous conquistadors], Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Kriga», 1032 p. (In Russian)

Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. (2001) *История церковнославянского языка в России. Конец XIX–XX в.* Москва, Языки славянских культур, 398 с.

Kravetsky A.G., Pletneva A.A. (2001) *Istorija cerkovnoslavjanskogo jazyka v Rossii. Konec XIX–XX v.* [History of the Church Slavonic language in Russia. Late 19th — 20th centuries], Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 398 p. (In Russian)

Лексин В.Н. (2012) Русская цивилизация: опыт системной диагностики, *Мир России,* № 21(4), с. 3–39.

Leksin V.N. (2012) Russkaja civilizacija: opyt sistemnoj diagnostiki [Russian civilization: experience of system diagnostics], *Mir Rossii,* no. 21(4), pp. 3–39. (In Russian)

Лексин В.Н. (2014) Языковая репрезентация русской цивилизации, *Мир России,* № 23(2), с. 6–37.

Leksin V.N. (2014) Jazykovaja reprezentacija russkoj civilizacii [Linguistic representation of Russian civilization], *Mir Rossii,* no. 23(2), pp. 6–37 (In Russian)

Мухамеджанова Н.М. (2015) *Современные цивилизационные процессы,* Оренбург, ФГБОУ ВПО «ОГУ», 276 с.

Mukhamedjanova N.M. (2015) *Sovremennye civilizacionnye process* [Modern civilizational processes], Orenburg, FGBOU VPO «OGU», 276 p. (In Russian)

Нерознак В.П. (1985) Языковые союзы, *Лингвистическая типология,* под ред. В.М. Солнцева, И.Ф. Вардуль, Москва, Наука, с. 194–200.

Neroznak V.P. (1985) Jazykovye sojuzy [Language Unions], in V.M. Solntsev, I.F. Vardul (eds.) *Lingvisticheskaja tipologija* [Linguistic typology], Moscow, Nauka, pp. 194–200. (In Russian)

Нерознак В.П. (2007) Балканская лингвокультурная общность: генезис и структура, *Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова,* под ред. Т.Н. Свешниковой, И.А. Седаковой, Т.В. Цивьян, Москва, Индрик, с. 123–131.

Neroznak V.P. (2007) Balkanskaja lingvokul'turnaja obshhnost': genezis i struktura [Balkan linguistic and cultural community: genesis and structure], in T.N. Sveshnikova, I.A. Sedakova, T.V. Tsivyan (eds.) *Vostok i Zapad v balkanskoj kartine mira. Pamjati Vladimira Nikolaevicha Toporova* [East and West in the Balkan picture of the world. In memory of Vladimir Nikolaevich Toporov], Moscow, Indrik, pp. 123–131. (In Russian)

Оболенская Ю.Л. (2019) Испанское языковое сознание как лингво-культурный феномен, *Вопросы иберо-романистики,* Выпуск 17, Москва, МАКС Пресс, с. 8–14.

Obolenskaja Yu.L. (2019) Ispanskoe jazykovoe soznanie kak lingvo-kul'turnyj fenomen [Spanish linguistic consciousness as a linguistic-cultural phenomenon], *Voprosy ibero-romanistiki,* Vypusk 17, Moscow, MAKS Press, pp. 8–14. (In Russian)

Ракуц Н.В. (2018) *Культура индейских народов и политика государства (южноамериканские реалии),* Москва, ИЛА РАН, 264 с.

Rakuts N.V. (2018) *Kul'tura indeiskikh narodov i politika gosudarstva (yuzhnoamerikanskie realii)* [Native American Culture and State Politics (South American Realities)], Moscow, ILA RAN, 264 p. (In Russian)

Рус М.У. (1996) Народы майя: пятьсот лет сопротивления, *Американские индейцы: новые факты и интерпретации. Проблемы индеанистики,* под ред. В.А. Тишкова, Москва, Наука, с. 69–92.

Rus M.U. (1996) Narody majja: pjat'sot let soprotivlenija [Mayan Peoples: Five Hundred Years of Resistance] in V.A. Tishkov (ed.) *Amerikanskie indejcy: novye fakty i interpretacii. Problemy indeanistiki* [American Indians: new facts and interpretations. Problems of Indian Studies], Moscow, Nauka, pp. 69–92. (In Russian)

Сапрыкина О.А. (2016) На пути к современной Бразилии: языковая ситуация в Бразилии в XVI в. в документах и свидетельствах, *Язык в глобальном контексте: Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен* под ред. Е.А. Казак, Москва, ИНИОН РАН, 116 с.

Saprykina O.A. (2016) Na puti k sovremennoi Brazilii: yazykovaya situatsiya v Brazilii v XVI v. v dokumentakh i svidetel'stvakh [On the way to Modern Brazil: the linguistic situation in Brazil in the XVI century. in documents and testimonies] in Kazak E.A. (ed.) *Yazyk v global'nom kontekste: Latinskaya Amerika segodnya kak kul'turno-yazykovoi fenomen* [Language in a global context: Latin America today as a cultural and linguistic phenomenon], Moscow, INION RAN, 116 p. (In Russian)

Степанов Г.В. (1963) *Испанский язык в странах Латинской Америки,* Москва, Изд-во литературы на иностранных языках, 204 с.

Stepanov G.V. (1963) *Ispanskij jazyk v stranah Latinskoj Ameriki* [Spanish in Latin America], Moscow, Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 204 p. (In Russian)

Степанов Г.В. (1979) *К проблеме языкового варьирования,* Москва, Наука, 328 с.

Stepanov G.V. (1979) *K probleme jazykovogo var'irovanija* [On the problem of language variation], Moscow, Nauka, 328 p. (In Russian)

Толстой Н.И. (2001) Предисловие к первому изданию, *Церковнославянский язык,* под ред. А.Г. Кравецкого, А.А. Плетневой, Москва, Древо добра, с. 3–6.

Tolstoy N.I. (2001) Predislovie k pervomu izdaniju [Preface to the first edition] in A.G. Kraveckij, A.A. Pletneva (eds.) *Cerkovnoslavjanskij jazyk* [Church Slavonic language], Moscow, Drevo dobra, pp. 3–6. (In Russian)

Топоров В.Н. (1998) Святость и святые в русской духовной культуре, *Т. 2. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.),* Москва, Школа «Языки русской культуры», 864 с.

Toporov V.N. (1998) Svjatost' i svjatye v russkoj duhovnoj kul'ture [Holiness and saints in Russian spiritual culture], *T. 2. Tri veka hristianstva na Rusi (XII–XIV vv.)* [Three centuries of Christianity in Rus' (12th — 14th centuries)], Moscow, Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 865 p. (In Russian)

Трубецкой Н.С. (1960) *Основы фонологии,* Москва, Издательство иностранной литературы, 372 с.

Trubetzkoy N.S. (1960) *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 372 p. (In Russian)

Трубецкой Н.С. (1995a) Вавилонская башня и смешение языков, Трубецкой Н.С. *История. Культура. Язык,* Москва, Издательская группа «Прогресс-Универс», с. 327–338.

Trubetzkoy N.S. (1995a) Vavilonskaja bashnja i smeshenie jazykov [The Tower of Babel and the confusion of languages], Trubetzkoy N.S. *Istorija. Kul'tura. Jazyk* [Story. Culture. Language], Moscow, Izdatel'skaja gruppa «Progress-Univers», pp. 327–338. (In Russian)

Трубецкой Н.С. (1995b) К проблеме русского самопознания, Трубецкой Н.С. *История. Культура. Язык,* Москва, Издательская группа «Прогресс-Универс», с. 105–113.

Trubetzkoy N.S. (1995b) K probleme russkogo samopoznanija [On the problem of Russian self-knowledge], Trubetzkoy N.S. *Istorija. Kul'tura. Jazyk* [Story. Culture. Language], Moscow, Izdatel'skaja gruppa «Progress-Univers», pp. 105–113. (In Russian)

Холенштайн Э. (1999) Россия — страна, преодолевающая пределы Европы, *Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования,* Москва, РГГУ, с. 319–333.

Holenstein E. (1999) Rossija — strana, preodolevajushhaja predely Evropy [Russia is a country transcending the limits of Europe], *Jakobson R. Teksty, dokumenty, issledovanija* [Jacobson R. Texts, documents, research], Moscow, RGGU, pp. 319–333. (In Russian)

Цивьян Т.В. (1979) *Синтаксическая структура балканского языкового союза,* Москва, Наука, 301 с.

Tsivyan T.V. (1979) *Sintaksicheskaja struktura balkanskogo jazykovogo sojuza* [Syntactic structure of the Balkan language union], Moscow, Nauka, 301 p. (In Russian)

Цивьян Т.В. (1990) *Лингвистические основы балканской модели мира,* Москва, Наука, 210 с.

Tsivyan T.V. (1990) *Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira* [Linguistic foundations of the Balkan model of the world], Moscow, Nauka, 210 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2001) Европа и Латинская Америка: *Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории,* Москва, Наука, 391 с.

Shemyakin Ya.G. (2001) Evropa i Latinskaja Amerika: *Vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vsemirnoj istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History], Moscow, Nauka, 391 p. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2014) К вопросу о методологии цивилизационных исследований, *Цивилизации*, Вып. 9, Цивилизация как идея и исследовательская практика, Москва, Наука, с. 27–57.

Shemyakin Ya.G. (2014) K voprosu o metodologii civilizacionnyh issledovanij [On the issue of the methodology of civilizational studies], *Civilizacii*, Vyp. 9, Civilizacija kak ideja i issledovatel'skaja praktika [Civilization as an idea and research practice], Moscow, Nauka, pp. 27–57. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2017) Идентичность цивилизационного «пограничья», *Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха* под ред. О.В. Волосюк, К. Камареро Буйон, Т.Б. Коваль, Е.Э. Юрчик, Москва, Международные отношения, с. 295–302.

Shemyakin Ya.G. (2017) Identichnost' civilizacionnogo «pogranich'ja»[Identity of the civilizational «borderland»], in O.V. Volosyuk, C. Camarero Bullon, T.B. Koval, E.E. Yurchik (eds.) *Ispanija i Rossija: istoricheskie sud'by i sovremennaja jepoha [Spain and Russia: historical destinies and the modern era],* Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, pp. 295–302. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2018a) Глобальное, универсальное, локальное: соотношение понятий и соотношение реальностей, *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе,* Москва, Аквилон, с. 12–48.

Shemyakin Ya.G. (2018a) Global'noe, universal'noe, lokal'noe: sootnoshenie ponjatij i sootnoshenie real'nostej [Global, universal, local: the relationship of concepts and the relationship of realities], *Civilizacionnye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoj perspective* [Civilization challenges in a world-historical perspective], Moscow, Akvilon, pp. 12–48. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2018b) Конфликт интересов и конфликт ценностей. Миграционная проблематика в контексте проблемы цивилизационной идентичности, *Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе,* Москва, Аквилон, с. 348–402.

Shemyakin Ya.G. (2018b) Konflikt interesov i konflikt cennostej. Migracionnaja problematika v kontekste problemy civilizacionnoj identichnosti [Conflict of interests and conflict of values. Migration issues in the context of the problem of civilizational identity], *Civilizacionnye vyzovy vo vsemirno-istoricheskoj perspective* [Civilization challenges in a world-historical perspective], Moscow, Akvilon, pp. 348–402. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2019) Язык как фактор обеспечения целостности цивилизационной системы. Опыт иберoамериканского социокультурного «пограничья» в сравнительно-историческом контексте, *Вопросы Иберо-романистики,* Вып. 17, Москва, МАКС Пресс, с. 114–128.

Shemyakin Ya.G. (2019) Jazyk kak faktor obespechenija celostnosti civilizacionnoj sistemy. Opyt iberoamerikanskogo sociokul'turnogo «pogranich'ja» v sravnitel'no-istoricheskom kontekste [Language as a factor in ensuring the integrity of the civilizational systeMoscow The experience of the Ibero-American sociocultural «borderland» in a comparative historical context], *Voprosy Ibero-romanistiki,* Vyp. 17, Moscow, MAKS Press, pp. 114–128. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2021) Культурный трансфер как взаимодействие идентичностей: опыт различных цивилизационных типов в универсальном контексте, *Цивилизации*, Вып. 12, Трансферы в истории и теории цивилизаций, Москва, Наука, с. 137–184.

Shemyakin Ya.G. (2021) Kul'turnyj transfer kak vzaimodejstvie identichnostej: opyt razlichnyh civilizacionnyh tipov v universal'nom kontekste [Cultural transfer as an interaction of identities: the experience of various civilizational types in a universal context], *Civilizacii*, Vyp. 12, Transfery v istorii i teorii civilizacij [Transfers in the history and theory of civilizations], Moscow, Nauka, pp. 137–184. (In Russian)

Шемякин Я.Г. (2023) «Великие географические открытия»: смысл и историческое содержание термина в свете опыта взаимодействия цивилизаций в Новом Свете, *Иберoамериканские тетради,* № 1, с. 41–67. DOI: https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67

Shemyakin Ya.G. (2023) «Velikie geograficheskie otkrytija»: smysl i istoricheskoe soderzhanie termina v svete opyta vzaimodejstvija civilizacij v Novom Svete ["Great geographical discoveries": the meaning and historical content of the term in the light of the experience of interaction of civilizations in the New World], *Iberoamerican Papers,* no. 1, pp. 41–67. DOI: https://doi.org/10.46272/2409-3416-2023-11-1-41-67 (In Russian)

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. (2009a) Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки, Часть 1, *Латинская Америка,* № 9, с. 4–20.

Shemyakin Ya.G., Shemyakina O.D. (2009a) Puti i uslovija dostizhenija celostnosti civilizacionnoj sistemy. Sopostavlenie istoricheskogo opyta Rossii i Latinskoj Ameriki [Ways and conditions for achieving the integrity of the civilizational system. Comparison of the historical experience of Russia and Latin America], Chast' 1, *Latinskaya Amerika,* no. 9, pp. 4–20. (In Russian)

Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. (2009b) Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки, Часть 2, *Латинская Америка,* № 10, с. 82–101.

Shemyakin Ya.G., Shemyakina O.D. (2009b) Puti i uslovija dostizhenija celostnosti civilizacionnoj sistemy. Sopostavlenie istoricheskogo opyta Rossii i Latinskoj Ameriki [Ways and conditions for achieving the integrity of the civilizational systeMoscow Comparison of the historical experience of Russia and Latin America], Chast' 2, *Latinskaya Amerika,* no. 10, pp. 82–101. (In Russian)

Якобсон Р.О. (1931) *К характеристике евразийского языкового союза,* Париж, Издание евразийцев, 60 с.

Jakobson R.O. (1931) *K harakteristike evrazijskogo jazykovogo sojuza* [On the characteristics of the Eurasian linguistic union], Paris, Izdanie evrazijcev, 60 p. (In Russian)